

Євгеній Лозинський.

ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ
объ интеллигенціи
и рабочемъ вопросѣ.

Съ приложеніемъ двухъ неизданныхъ
писемъ Толстого къ автору.

Цѣна 10 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
„Сѣверная Печатня“. В. О., 13 л. 2.
1911.

ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ

объ интеллигенціи и рабочемъ вопросѣ.

Послѣдніе годы развитія русской мысли явились во многихъ отношеніяхъ годами „переоцѣнки всѣхъ цѣнностей“ и, въ частности, новой, коренной переоцѣнки той роли, какую играетъ въ жизни современныхъ обществъ такъ наз. *интеллигенція* (понимаемая не только какъ цѣлая, все растущая общественная группа умственныхъ работниковъ, но и какъ опредѣленный „передовой“ авангардъ, борющійся самъ и втягивающій другихъ въ свою борьбу во имя демократическихъ и соціалистическихъ реформъ и идеаловъ). Что такая переоцѣнка дѣйствительно имѣеть мѣсто въ современной жизни, доказываетъ хотя бы та обширная литература „за и противъ“ интеллигенціи, которая заполняетъ теперь нашъ книжный рынокъ. Явленіе это, впрочемъ, не одно лишь наше національно-русское, но и почти общеевропейское, такъ какъ проблема интеллигенціи, ея общественной роли, ея связи съ рабочимъ движеніемъ живо интересуетъ теперь Францію и Италію, Австрію и Германію. Тѣмъ не менѣе, нигдѣ эта проблема не дебатируется съ такою страстью и, вѣроятно, поэтому съ такою подчасъ неожиданною откровенностью, какъ у насъ, въ Россіи*).

*) Въ порывѣ такой откровенности наша демократически-соціалистическая интеллигенція собственноручно подписалась почти подъ всѣми тѣмъ обвиненіями, которыя выдвинула противъ нея, такъ наз., „махаевская“ литература. Я имѣю въ виду „Вѣхи“, критическія статьи Зайцева, Иванова-Разумника и другихъ. Изъ нихъ послѣдній чистосердечно сознался, что—да, соціализмъ вовсе и не думаетъ и даже *не долженъ* думать о равенствѣ воз-

Въ этомъ великомъ спорѣ, имѣющемъ на мой взглядъ большое общественное и симптоматическое значеніе, Левъ Толстой не принималъ никакого открытаго участія, хотя съ большимъ интересомъ слѣдилъ за всѣми его перипетіями. Для него лично этотъ вопросъ былъ уже давно „переоцѣненъ“ въ одномъ вполнѣ опредѣленномъ смыслѣ, отъ кото-раго онъ уже не отрекался въ теченіе всей своей послѣду-ющей жизни. Я имѣю въ виду его знаменитую статью „Прогрессъ и народное образованіе“, появившуюся еще въ началѣ 60-хъ годовъ истекшаго столѣтія. Несмотря, однако, на такую полную опредѣленность его идеиной позиціи въ вопросѣ объ интеллигенціи, нѣкотораго значенія нельзѧ все же не при-знать и за слѣдующимъ, печатаемымъ ниже, письмомъ Льва Николаевича, не такъ давно полученнымъ мною отъ него лично и написаннымъ по поводу моихъ новѣйшихъ статей, книжекъ и брошюръ объ интеллигенції въ связи съ рабо-чимъ движеніемъ вообще и такъ наз. освободительной борь-бой въ частности. Въ виду того, что Толстой въ своемъ

награжденія физическаго и умственнаго труда. Замѣчательно, что въ послѣднее время западно-европейская с.-д. литература уже безъ всякихъ колебаній подписывается подъ этимъ послѣднимъ положеніемъ. См., напр., недавно вы-шедшую книжку вождя австрійской с.-д. Max'a Adler'a: „Der Socialismus und die Intellektuellen“. Въ этой книжкѣ дѣлается уже ясный намекъ на то, что соціалистический строй отнюдь не покусится на привилегированное положеніе умственныхъ работниковъ, которые и въ будущемъ сохранять *квалифицированное* вознагражденіе за свой трудъ.

Съ своей стороны, марксистъ Зайцевъ (на страницахъ бывшаго марксистскаго журнала „Образованіе“), признавъ всю двусмысленность соціал-демократического отношенія къ интеллигенціи, доказываетъ, что съ точки зрењія „научнаго“ марксизма интеллигенція, понимаемая какъ классъ умственныхъ работниковъ, можетъ быть отнесена только къ рабочему классу, къ эксплуатируемымъ пролетаріямъ, и что поэтому даже директора фабрикъ, инженеры и т. д.—это тѣ же рабочіе, только болѣе состоятельные. Такова на сей разъ уже истинно-пролетарская точка зрењія...

Отмѣчу здѣсь еще, что „Русск. Богатство“, въ своей рецензіи на книгу г. Иванова-Разумника о махаевщинѣ (Май 1909 г., стр. 193), рядомъ съ обычными „комплиментами“ по адресу этой послѣдней („невѣжество, „безграмотность“ и т. д. - все, впрочемъ, стереотипныя словечки почти всякой интеллигентской рецензіи и критики по адресу иако-мыслящихъ противниковъ!); вынуждено было все-таки признать, что махаевская точка зрењія на умственныхъ работниковъ заслуживаетъ, какъ-никакъ, серьезнаго вниманія.

письмъ ко мнѣ *всесилью* присоединяется къ тѣмъ взглядамъ, которые нашли свое выраженіе, между прочимъ, и въ моихъ работахъ на эту тему, считаю необходимымъ вкратцѣ сформулировать здѣсь эти *взгляды*:

Во-первыхъ. Интеллигенція, понимаемая какъ классъ умственныхъ работниковъ, есть новая, все растущая, общественная сила, эксплуататорская по своей соціологической природѣ, хищническая по своимъ стремленіямъ, искусно и методически борющаяся за свое соціальное возвышеніе и подготовляющая тѣмъ самыемъ въ грядущемъ свое самодержавное классовое господство.

Во-вторыхъ. Общественный идеалъ этого класса—такъ наз. „соціальная республика“—*въ своемъ чистомъ видѣ* заключается: въ уничтоженіи всѣхъ формъ привилегированнаго дохода, кромѣ... одной единственной, *всѣ остаточные поглощающей*, а именно—гонорара, квалифицированнаго вознагражденія умственного труда; въ соотвѣтственной экспроприаціи (мирной и безболѣзненной—„съ вознагражденіемъ“) буржуазнаго и землевладѣльческаго классовъ, и въ обобществленіи средствъ и орудій производства, т. е. переходѣ ихъ въ руки новаго классового государства—всего объединеннаго и примиреннаго образованнаго общества.

Вѣ-третьихъ. Этому „идеалу“ соотвѣтствуетъ и вся современная демократическая и соціалистическая дѣятельность интеллигенціи, вся ея идео- и фразеология, крайне гуманная и превыспренняя по формѣ и необыкновенно обманная по существу. Вся культурная и революціонная дѣятельность интеллигенціи, прикрывающаяся девизами „братства, равенства и свободы“, въ дѣйствительности ничего общаго со всѣми этими хорошими вещами не имѣть, преслѣдуя—сознательно и безсознательно—лишь интересы новой, болѣе совершенной, формы паразитизма, хищничества и насилия.

Вѣ-четвертыхъ. Вслѣдъ за Толстымъ, писавшимъ когда-то о „правовѣрныхъ современника прогресса“, что они „вѣрутъ въ прогрессъ потому, что вѣра ихъ выгодна для нихъ“, я, съ своей стороны, старался доказать, что весь современный культурный и экономический прогрессъ въ конечномъ счетѣ существуетъ лишь для эксплуатирующихъ слоевъ

общества, эксплуатируемые же продолжаютъ и теперь пребывать во всѣхъ странахъ все на той же, что и раньше, ступени материальной и духовной нищеты и зависимости.

Наконецъ, *вѣнчанныхъ*. Подобно тому, какъ раньше буржуазія пыталась, да и теперь еще пытается, замести слѣдъ своего канибалльского обогащенія широкимъ развитіемъ танцующей благотворительности, такъ же точно и современная интеллигенція, подымающаяся материально и духовно за счетъ рабочихъ массъ, всѣми формами и видами своей *умственной* благотворительности („народныя членія“, „воскресныя школы“, „народные университеты“ и т. д.) стремится, вмѣстѣ съ расширенiemъ сферы своего духовнаго вліянія на массы, затушевать слѣды своего не менѣе канибалльского существованія и прогресса.

Само собою разумѣется, что объективно-историческая обманчивость извѣстнаго классового движенія не исключаетъ субъективной искренности и невольного самообмана у *отдельныхъ личностей* даннаго общественнаго класса, не говоря уже о томъ, что въ каждомъ классѣ могутъ быть всякаго рода перебѣжчики и нравственно деклассированные, руководящіеся при этомъ самыми различными мотивами, начиная съ самыхъ низменныхъ и кончая высшими соображеніями долга и справедливости.

Изъ всѣхъ этихъ положеній я дѣлаю выводъ, что дѣйствительный прогрессъ не можетъ имѣть ничего общаго съ тѣмъ нынѣшнимъ „прогрессомъ“, который фактически состоитъ въ усиленіи степени эксплуатациіи, ростѣ безработицы, умноженіи проституціи, укрѣпленіи милитаризма, усовершенствованіи орудій человѣческаго истребленія, и въ другихъ, все такихъ же, результатахъ современного развитія науки, техники промышленности, прессы, парламентаризма и тому подобнаго „всеобщаго, тайного и прямого“ одурачиванія рабочихъ массъ, и что поэтому эти послѣднія, должны искать *иныхъ* путей жизни, борьбы и дѣятельности— „по ту сторону“ всевозможныхъ, до тошноты исторіей испробованныхъ и разоблаченныхъ, либеральныхъ, демократическихъ, соціалистическихъ и анархистскихъ программъ и лозунговъ.

Само собою разумѣется, что вся наша „радикально мыслящая“ интеллигенція нашла такую точку зрењія крайне

обидною для себя, даже болѣе — несправедливою и „возмутительною“. Такъ, въ свое время *буржуазный* классъ былъ крайне обиженъ и возмущенъ, когда народившаяся всюду соціалистическая интеллигенція стала разоблачать всю хищническую тенденціозность *буржуазной* политики, науки и высокопарной фразеологии. Теперь, очевидно, историческая очередь быть разоблачаемой и судимой за — самой интеллигенціей, за *ея* политикой, *ея* наукой, *ея* идеологіей. „*C'est la lutte finale*“...

Въ Россіи нашелся пока одинъ лишь человѣкъ изъ среды маститой интеллигенціи, рѣшившійся признать всю справедливость нашихъ разоблаченій и нашего суда надъ этой новой хищнической силой, покушающейся на нашу послѣднюю надежду, на нашу вѣру — *въ будущее*.

Это — Левъ Николаевичъ Толстой.

Вотъ письмо его ко мнѣ отъ 26 января 1909 года:

„Ясная Поляна, 26 Января 1909 г.

„Евгений Іустиновичъ! Очень благодарю Васъ за присылку трехъ №№ газеты „*Противъ Течения*“ и двухъ книгъ. Я и прежде читалъ вашу книгу „*Что же такое, наконецъ, интеллигенція?*“ Теперь же внимательно перечелъ эту книгу, такъ же, какъ и „*Итоги парламентаризма*“ и присланные №№ газеты.

„Вполнѣ раздѣляю Ваши мысли какъ о значенії дѣятельности интеллигенціи, такъ и о парламентахъ. Ваши книги многое подтвердили мнѣ въ моихъ взглядахъ, а также узналъ я изъ нихъ и много нового. Очень желалъ бы, чтобы онѣ были какъ можно болѣе распространены, но боюсь, что, съ одной стороны, по теперешнимъ временамъ онѣ запрещены правительствомъ *), а съ другой стороны думаю, что онѣ

*) Вышеуказанныя изданія не были запрещены правительствомъ и продаются въ Петербургѣ (Васильевскій Остр., 10 л., д. 5, кв. 14, у Я. Зборовской).

будуть замолчаны либерально-революціонною печатью, по пословицѣ „il n'y a pas de pires sourds que ceux qui ne veulent pas entendre“ *).

„Повторяю Вамъ свою благодарность за присылку и содержаніе вашихъ прекрасныхъ книгъ. Прошу Васъ сообщить мнѣ, всѣ-ли онѣ запрещены и какія находятся въ продажѣ, и много-ли распространены.

„Одно мнѣ неясно: прямо скажу вамъ—неясенъ тотъ выходъ рабочимъ изъ своего положенія, который вы предлагаете. Мнѣ неясны формы прямого законодательства рабочаго народа и возможность прямыхъ требованій и удовлетворенія поставленныхъ имъ условій. Я думаю, какъ и вы прекрасно указываете, что сущность дѣла въ томъ насилии, которое ~~въ виду~~
~~Бойска и полиції~~.

рабочій народъ употребляетъ самъ противъ себя. И потому, чтобы этого не было, единственная возможность въ томъ, чтобы рабочій народъ не участвовалъ въ насилии въ какой бы то ни было формѣ. Для того же, чтобы люди рабочаго народа не участвовали въ насилии, и, отказываясь отъ участія въ немъ, готовы бы были нести всѣ лишенія и даже страданія, которыя неизбѣжны при отказѣ отъ участія, нужно, чтобы они считали такое участіе противнымъ своему человѣческому достоинству. Быть же готовыми нести лишенія и страданія ради сохраненія своего человѣческаго достоинства могутъ, какъ это съ древнѣйшихъ временъ показываетъ исторія, только люди религіозные, для которыхъ исполненіе требованій совѣсти стоитъ выше всѣхъ другихъ соображеній, и

*) Т. е. наибольшюю глухотой страдаютъ тѣ, которые не хотятъ слышать.

 Здѣсь мы вынуждены выпустить нѣсколько словъ.

Е. Л.

дѣятельность которыхъ или воздержаніе отъ дѣятельности вѣрнѣе и успѣшнѣе всего достигаютъ той цѣли, къ которой такъ тщетно и безконечно разнообразно стремятся всѣ устроители человѣческихъ обществъ.

„Очень радъ общенію съ вами.

Съ совершеннымъ уваженіемъ

Левъ Толстой“.

Въ тѣсной связи съ этимъ письмомъ Л. Толстого находится другое письмо ко мнѣ изъ Ясной же Поляны отъ гостившаго тамъ редактора болгарскаго толстовскаго журнала „Возрожденіе“, г. Христѣ Досева:

„Ясная Поляна, 21 Февраля 1909 г.

„Милостивый Государь! Находясь около Льва Николаевича, я узналъ про ваши хорошия, *такъ горячо рекомендаемыя Толстымъ*, книги. Я самъ изъ Болгаріи. Вмѣстѣ съ другими друзьями издаю тамъ ежемѣсячный толстовскій журналъ „Возрожденіе“. Мнѣ хочется воспользоваться вашими книгами и перевести ихъ на болгарскій языкъ для „Возрожденія“. Если вы не имѣете ничего противъ, то сообщите мнѣ, пожалуйста. Особенно меня интересуетъ новая ваша книга о рабочемъ вопросѣ.⁴ Можетъ быть, вы и ее пошлете мнѣ?... Я читалъ ваше письмо къ Льву Николаевичу.^{*)} У меня осталось впечатлѣніе, что вы мало знакомы или же не понимаете основныхъ религіозныхъ взглядовъ Льва Толстого. Мнѣ хочется, чтобы я ошибался. Уважающій Васъ Хр. Досевъ“.^{**)}

Очутясь вмѣстѣ съ Толстымъ „по той сторонѣ“ современныхъ господствующихъ теченій, я тѣмъ не менѣе разошелся съ нимъ въ отношеніи *положительной* программы.

^{*)} Досевъ говорить здѣсь о моемъ отвѣтѣ Толстому на вышеприведенное его письмо.

E. L.

^{**) Въ настоящее время на болгарскомъ языкѣ въ переводѣ г. Досева вышла моя книга: „Что же такое, наконецъ, интеллигенція?“ Кромѣ того, въ журналѣ „Возрожденіе“ переведены мои статьи о книгахъ Вольского: „Умственный рабочий“, печатавшіяся въ I и 3 №№ „Противъ теченія.“}

Здѣсь, конечно, не мѣсто входить въ критической разборъ всего положительного ученія Толстого. Остановлюсь вкратцѣ лишь на 2—3 пунктахъ, затронутыхъ здѣсь прямо или косвенно самимъ Толстымъ въ его письмѣ.

Прежде всего—о „насиліи“. Въ свое время наши радикальные публицисты много и усердно упражнялись въ критикѣ Толстовскаго „непротивленія“. Гордая своею политическою борьбой съ самодержавiemъ, наша демократическая и соціалистическая интеллигенція не находить словъ, чтобы явить свое высокомѣрное презрѣніе къ пассивному „непротивленству“ Льва Толстого и его послѣдователей. Не принадлежа ни къ одной изъ спорящихъ сторонъ, я, съ своей стороны, полагаю, что въ Толстовскомъ непротивленіи заключается несравненно больше истинно противленскихъ элемен-тovъ, чѣмъ во всемъ революціонномъ противленіи нашей бунтующей интеллигенціи. Дѣло въ томъ, что наша, такъ наз. „передовая“, интелигенція, такъ охотно позирирующая своею непримиримостью, умѣеть примирять съ нею самые явные компромиссы въ отношеніи своемъ къ церкви, государству, праву, милитаризму, школѣ и т. д. Одни уже періодические „панихиидные“ пароксизмы, овладѣвающіе нашею атеистическою демократіей всякий разъ, какъ умираетъ кто-либо изъ я атеистическихъ же вождей, представляются мнѣ чисто балаганнымъ фарсомъ, бьющимъ въ лицо всему ея „свободомыслію“, всей ея революціонной фразеологіи. „Гражданскіе“ похороны Толстого были, наоборотъ, однимъ изъ многихъ примѣровъ его послѣдовательности и дѣйствительной непримиримости. Къ каждой отдѣльной личности, „уважающей свое человѣческое достоинство,“ онъ предъявлялъ героическія требованія, не знающія никакихъ уступокъ. Можно совершенно не соглашаться съ воззрѣніями Толстого, со всѣмъ его ученіемъ, и все же нельзя отказать этимъ воззрѣніямъ въ чисто-революціонной непримиримости, нельзя не замѣтить въ нихъ самого упорнаго духа *нпротивленія*, несмотря на все его отрицаніе „насилія“.

Толстовскую заповѣдь „непротивленія злу насилиемъ“ вѣрнѣ было бы формулировать такъ: противъся злу всѣмъ, кроме насилия. Такая формулировка точнѣе передаетъ духъ толстовскаго ученія. Какъ известно, Толстой обосновывалъ

свою заповѣдь о непротивленіи слѣдующимъ чисто ариѳметическимъ силлогизмомъ: противопоставляя злу насилие, я тѣмъ самымъ присоединяю къ этому злу новое зло, отчего первоначальное зло ($1+1=2$) лишь удваивается. Въ основѣ этого силлогизма лежитъ очевидное смѣшеніе понятій. Я никакъ не могу признать полнаго тождества между такими двумя различными понятіями, какъ *сила и насилие*, не могу подводить подъ понятіе насилия всякое примѣненіе физической силы, направленное противъ очевиднаго насилия. Если я, напримѣръ, своимъ физическимъ усиліемъ отрываю руку насильника, схватившаго меня за горло, то было бы страннымъ говорить въ данномъ случаѣ о какомъ-либо насилии съ *моей* стороны. Точно также не можетъ быть рѣчи о какомъ бы то ни было насилии, если я обезвреживаю бѣшеную собаку, бросающуюся на беззащитныхъ. Толстой правъ: всякое *насилие* предосудительно, но его нѣтъ и не можетъ быть въ томъ физическомъ усиліи, посредствомъ коего преодолѣвается насилие. Называть такое физическое усиліе тоже зломъ—нѣтъ у насть положительно никакого основанія, ни нравственнаго, ни ариѳметического. Дѣйствительная жизнь знаетъ совершенно иную „арифметику“: насилие, не встрѣчающее сопротивленія, тѣмъ самымъ уже пріобрѣтаетъ хроническій характеръ, возводится въ систему, въ обычную или правовую норму, т. е. порождаетъ изъ себя уже не 2 или 3 или 4 зла, а нескончаемое множество.

Далѣе. Толстой требовалъ отъ каждой личности *нравственнаго самосовершенствованія*. Дѣло это было бы, конечно, хорошимъ и полезнымъ, если бы при этомъ не забывалось, что направленная по адресу голодныхъ и обездоленныхъ рабочихъ массъ эта проповѣдь принимаетъ характеръ злой ироніи, а по отношенію къ сытымъ и имущимъ она является гласомъ воинющаго въ пустынѣ, ибо—сошлиясь на слова самого Толстого—„наибольшее глухотой страдаютъ тѣ, которые не хотятъ слышать“. Въ исключительныхъ случаяхъ эта нравственная проповѣдь способна увлекать за собой нѣкоторые общественные элементы, но и въ данномъ случаѣ вся цѣнность ея будетъ всецѣло зависѣть отъ ея содержанія. Толстой, какъ известно, требовалъ въ качествѣ „первой ступени“ нравственного самосовершенствованія отказъ отъ убий-

наго питанія животными, отъ мясной пищи *). Мнѣ же кажется, что такою первою ступенью долженъ быть отказъ отъ убойного питанія *своими ближними*, т. е. рѣшительное преодолѣніе въ себѣ всѣхъ барскихъ, канибалскихъ инстинктовъ, привычекъ и замашекъ одновременно со всестороннею помощью пожираемымъ слоямъ общества въ ихъ борьбѣ за освобожденіе.

Эту послѣднюю мысль я развила въ статьѣ „*Вегетаріанство и антропофагія*“, напечатанной въ „Кievскихъ Вѣстяхъ“ № отъ 22 сент. 1910 г., а затѣмъ въ журналѣ „*Вегетар. Обозрѣніе*“, № 6—8 за тотъ же годъ. Въ послѣдніе дни своей жизни Левъ Толстой и самъ, повидимому, склонялся къ той же мысли, что можно заключить хотя бы изъ слѣдующихъ воспоминаній редактора „*Вегетар. Обозрѣнія*“, г. І. Перпера, о своемъ послѣднемъ пребываніи въ Ясной Полянѣ 17 Окт. 1910 года:

„... Я спросилъ Льва Николаевича о статьѣ Евгения Лозинского: „*Вегетаріанство и антропофагія*“ (Левъ Николаевичъ читалъ эту статью до появленія ея въ „*Вегетар. Обозрѣніи*“ и написалъ о ней автору письмо). Левъ Николаевичъ отвѣтилъ мнѣ, что статья ему понравилась, особенно то мѣсто, въ которомъ авторъ говоритъ о самодовольствѣ вегетаріанцевъ...

„... Въ послѣднее время,—сказалъ Толстой,—я получаю письма отъ молодыхъ людей, которые, желая, должно быть, мнѣ понравиться, всегда упоминаютъ о томъ, что они вегетаріанцы. А, вѣдь, нужно смотрѣть на это проще“. (См. „*Вегет. Обозр.*“ 1910 г. № 9—10).

Упоминаемое здѣсь г. Перперомъ письмо Льва Толстого ко мнѣ по поводу моей статьи о вегетаріанствѣ было написано имъ 10 Октября 1910 г., т. е. незадолго до ухода его изъ Ясной Поляны, и имѣеть слѣдующее содержаніе:

„Очень радъ былъ прочесть Вашу прекрасную статью, съ содержаніемъ которой вполнѣ согласенъ.

„Статья эта очень полезна тѣмъ, что уничтожаетъ ложное представлѣніе многихъ вегетаріанцевъ о томъ,

*) См. его „*Первая ступень*“, изд. „Посредника“.

что они что-то сдѣлали очень хорошее и отдаѣются отъ другихъ людей тѣмъ, что пытаются здоровою пищей, а не трупами.

*Левъ Толстой". *)*

Если оставить въ сторонѣ проповѣдь личнаго само-совершенствованія и непротивленія злу насилиемъ, то почти вся положительная общественная программа Л. Толстого сводится къ извѣстной теоріи націонализациі земли или „единаго налога“ на землевладѣльцевъ, которая была провозглашена Генри Джорджемъ. Въ своемъ—написанномъ въ 1907 году—предисловіи къ сочиненію послѣдняго—„Обще-

зять съ идетъ рѣчь,

*) Въ своей статьѣ о вегетаріанствѣ, о которой ~~здесь~~ ~~здесь~~, я, между прочемъ, писалъ: „Соціальний составъ современаго вегетаріанскаго движенія—образованные классы общества, поглотившіе и поглощающіе однимъ уже фактомъ своего привилегированного образованія и воспитанія цѣлія массы соціально-беззащитныхъ, заталтываемыхъ на самое „дно“ жизни человѣческихъ существованій. Современный типичный вегетаріанецъ это—людоѣдъ, испортившій свой желудокъ въ самомъ процессѣ своей канибалской жизни и ищущій своего оздоровленія въ перемѣнѣ мясной пищи на растительную, не измѣнія, конечно, ни на юту самыхъ основъ своего господскаго канибалскаго существованія. Дѣло въ томъ что отказаться отъ „убойнаго питанія“ въ вегетаріанскомъ смыслѣ несравненно легче, чѣмъ отречься отъ убойнаго питанія своими ближними, принадлежащими къ пожираемымъ слоямъ общества. Гораздо легче, напримѣръ, организовать вегетаріанская столовая подъ разными красивыми лозунгами, чѣмъ отказаться—хотя бы въ этихъ однѣхъ столовыхъ—отъ эксплуатации насмѣнаго физического труда, отъ подчиненія послѣдняго 12-14 часовей рабочей каторгѣ.

Вотъ почему мы и наблюдаемъ теперь вокругъ себя своеобразный типъ людей, двуликихъ Янусовъ, *вегетаріанцевъ-антропофаговъ*, увеличивающихъ собою и безъ того ужъ пестрый соціальный маскарадъ, тотъ нравственный хаосъ, который все болѣе и болѣе заполняетъ собою всѣ поры и сферы нашей жизни“.

Чтобы не затеряться въ этомъ хаосѣ, необходимо мужественное и неуклонное проведение „вегетаріанскихъ“ началь „безубойнаго питанія“ во всѣ сферы жизни, какъ чисто личной, такъ и общественной; необходимо тщательное различеніе тѣхъ вегетаріанцевъ, которые примыкаютъ къ данному теченію исключительно въ интересахъ своего правильнаго пищеваренія, отъ тѣхъ, которые смотрятъ на безубойное питаніе лишь какъ на самую незначительную часть огромной нравственной и общественной задачи—борьбы со всѣмъ канибалскимъ строемъ жизни, подкашающимъ систематически и неустанно миллионы человѣческихъ существованій для возможности „прогресса“ | *тысячъ.*

ственныя задачи“^{*)}) — Левъ Толстой присоединяется къ программѣ этого американского экономиста, несмотря на то, что она не лишена кое-какихъ явственныхъ буржуазно-капиталистическихъ тенденцій. Выступивъ, какъ извѣстно, противъ привилегированного дохода землевладѣльческаго класса и противъ частной собственности на землю, Джорджъ въ то же время со всею своею энергией отстаивалъ привилегированный доходъ буржуазно-капиталистического класса^{**)}), проповѣдывалъ гармонію интересовъ между трудомъ и капиталомъ и публично заявлялъ, что „никогда не будетъ отстаивать особыхъ интересовъ рабочаго класса“^{***}). Все это не помѣшало, однако, Льву Толстому написать въ вышеупомянутомъ предисловіи, что „мысль Генри Джорджа переворачиваетъ весь складъ жизни народовъ въ пользу задавленнаго безгласнаго большинства и въ ущербъ властивущаго меньшинства“... .

Правда, у Г. Джорджа можно найти не мало блестящихъ страницъ, разоблачающихъ въ истинномъ свѣтѣ всѣ пресловутыя „свободы“, такъ наз. „свободныхъ“, государствъ и, въ частности, раскрывающихъ самый наглый и безмѣрный абсолютизмъ подъ маской сѣверо-американской демократіи (въ этомъ отношеніи я настойчиво рекомендую всякому непредубѣжденному читателю прочесть хотя бы одинъ его „Общественныя задачи“). Тѣмъ не менѣе, вся положительная сторона его проекта въ конечномъ счетѣ рѣшительно ничего въ пользу „безгласнаго задавленнаго большинства“ не „переворачиваетъ“, въ современномъ строѣ рабства и грабежа ничего по существу не измѣняетъ, открывая лишь всей современной буржуазіи (крупной, средней и мелкой) пріятную перспективу полнаго освобожденія отъ налогового обложенія въ ущербъ однимъ лишь землевладѣльцамъ.

Такимъ образомъ, всѣ горячія симпатіи Льва Толстого къ Генри Джорджу и его общественной теоріи остается

^{*)} Издание „Посредника“. Москва 1907 г. Цѣна 40 коп.

^{**) См., напр., „Обществ. задачи“, стр. 240, гдѣ онъ прямо говоритъ, что „хозяевамъ по праву принадлежитъ вознагражденіе за ихъ искусство, предусмотрительность и капиталъ“...}

^{***} См. рѣчь его въ Нью-Йоркѣ, въ книгѣ Дамашке: „Аграрная реформа“, стр. 204.

объяснить не чѣмъ инымъ, какъ только плодомъ печального недоразумѣнія.

Изъ письма Толстого видно, что ему осталась неясною „возможность прямыхъ требованій рабочаго народа и ихъ удовлетворенія“. Мнѣ кажется, что эта возможность осталась неясною Толстому, главнымъ образомъ, потому, что въ читанныхъ имъ статьяхъ моихъ по данному вопросу я касался положительной стороны лишь вскользь, приложивъ всѣ усиленія къ расчисткѣ почвы—къ критикѣ господствующихъ демократическихъ и соціалистическихъ ученій. Тѣмъ не менѣе, Толстому, хорошо понимавшему всю безплодность *политической* борьбы для эксплуатируемыхъ рабочихъ массъ, не такъ ужъ трудно было бы понять сущность и необходимость непосредственной *экономической* борьбы этихъ массъ за улучшеніе своей участіи. Правда, и въ сферѣ экономики мы встрѣчаемъ разныя формы дѣятельности, далеко не равнозначныя. Толстой, напримѣръ, симпатизировалъ устройству потребительныхъ и производительныхъ ассоціацій. Но если бы даже согласиться съ ихъ полезностью (которую я лично рѣшительно отрицаю), то все же не слѣдуетъ забывать, что существуютъ цѣлые миллионы безработныхъ и чернорабочихъ (т. е. огромное большинство), для которыхъ нѣтъ и не можетъ быть доступа ни въ профессіональные союзы, ни въ потребительныя или производительныя ассоціації *). А при наличности безработицы, при постоянномъ ростѣ такъ называемой резервной арміи труда экономическое положеніе и всѣхъ остальныхъ рабочихъ никогда не можетъ быть прочно и существенно улучшено **). Я не говорю уже о томъ, что всѣ эти союзы и ассоціаціи, объединяя лишь опредѣленные

*) О томъ, что большинство рабочихъ не можетъ быть организовано профессіонально, см. Зомбартъ: „А все-таки“, Р. Люксембургъ: „Всеобщая забастовка“, Тотоміанцъ: „Проф. раб. союзы“ и др. О кооперативахъ см. К. Каутскій: „Потреб. общество“ (М. 1906): „Подобно производительнымъ товариществамъ и потребительные союзы въ состояніи сгруппировать вокругъ себя лишь сливки рабочихъ, но не весь рабочій классъ въ совокупности“.

**) Въ Англіи, гдѣ капитализмъ господствуетъ уже нѣсколько вѣковъ, безработица свирѣпствуетъ еще въ гораздо большей степени, чѣмъ въ молодыхъ капиталистическихъ странахъ (см. А. Глѣбовъ: „Обществ. работы“).

слои рабочихъ, по самой своей природѣ вносятъ раздоръ и вражду въ самое сердце рабочаго класса, вооружая организованныхъ рабочихъ противъ неорганизованныхъ, наемныхъ рабочихъ въ кооперативахъ противъ „хозяевъ“ (членовъ кооператива) и содѣйствуя еще большему отчужденію между занятymi рабочими и безработными. Въ конечномъ результатаѣ, подъ заманчивымъ флагомъ „классового объединенія“ получается одинъ лишь миражъ рабочаго движенія, старательно поддерживаемый всею современною демократическою и соціалистическою интеллигенціей *).

Левъ Толстой склоненъ былъ усматривать въ своей аграрной программѣ, въ „эмиль“, экономическую панацею отъ всѣхъ золъ, забывая, что даже „обобществленная“ земля останется все же недоступною обширному классу пролетаріевъ (городскихъ и сельскихъ), не имѣющихъ другого „инвентаря“, кромѣ своихъ рабочихъ рукъ, а потому она превратится въ исключительную привилегію особаго земледѣльческаго класса, въ частную (хотя, быть можетъ, и колективную) собственность окрѣпшихъ хозяйственныхъ мужиковъ—заклятыхъ враговъ пролетаріата. Соціальное неравенство отъ этого не поколеблется, наоборотъ — окрѣпнетъ, консолидируется.

Въ основѣ современнаго крестьянскаго владѣнія землей тоже лежитъ *неправда*, скрытая отъ глазъ лишь крайнею бѣдностью большинства мелкихъ земельныхъ собственниковъ, но явственно ощущаемая тамъ, гдѣ разныя аграрные программы успѣваютъ сдѣлать этихъ земледѣльцевъ зажиточными и сытыми. Правъ былъ поэту Генри Джорджъ, сказавшій, что „крестьянская земельная собственность заслуживаетъ не больше уваженія, чѣмъ право какого-нибудь земельного магната“ („Земельный вопросъ“). Лишь экономическая природа одного физического *наемнаго труда* не за-

*) Въ подтвержденіе сказанного достаточно вспомнить хотя бы кратко-временную исторію нашего „Трудового Союза“ въ Питерѣ, съ постоянными конфликтами между служащими и рабочими, съ одной стороны, и правленіями потреб. обществъ съ другой. Дѣло доходило до расчетовъ, забастовокъ и замѣны служащихъ штрайкбрехерами. Что это не одно лишь чисто-русское явленіе, см. хотя бы пренія на Дюссельдорфскомъ съездѣ кооперативовъ въ 1907 году въ Германіи.

ключаетъ въ себѣ ни одного грана какой-либо соціальной привилегіи, а потому и соціальное возвышеніе представителей этого труда не только не сопряжено съ нарушеніемъ чьихъ-либо справедливыхъ интересовъ, т. е. съ чьей-либо эксплуатацией или укрѣплениемъ современного классового строя но, наоборотъ, *каждый шагъ такого возвышения соответственно расщепляетъ этотъ строй, соответственно приближаетъ строй истинного равенства, дѣйствительной свободы.*

Но, повторяю, такой соціальный подъемъ физического наемнаго труда начнется лишь тогда, когда рабочіе извѣрятся въ полезности своихъ профессіональныхъ и кооперативныхъ группировокъ и, въ процессѣ новой организаціи своихъ силъ, станутъ стремиться къ прочному завоеванію болѣе человѣческихъ условій существованія для всего своего класса въ совокупности. Такая переорганизація пролетаріата должна имѣть въ виду интересы *всѣхъ* его категорій, должна стремиться къ тѣсной классовой сплоченности фабрично-заводскихъ и сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, занятыхъ и безработныхъ (люмпенпролетаріатъ включительно). А это будетъ достижимо лишь тогда, когда въ числѣ *первыхъ же* своихъ требованій, касающихся заработной платы и рабочаго дня, рабочій классъ станетъ настойчиво добиваться и *уничтоженія безработицы*—этого *самаго страшнаго бича и торmentа въ его освободительному движению*. Безъ уничтоженія безработицы не можетъ быть прочныхъ завоеваній и у занятыхъ рабочихъ въ отношеніи продолжительности труда и высоты заработной платы *).

*.) Интересно въ этомъ отношеніи привести здѣсь признаніе послѣдняго международнаго соціалистическаго съѣзда въ Копенгагенѣ (въ августѣ 1910 г.), что „*ни въ одной странѣ* законы объ охранѣ труда не даютъ того, чтѣ бы въ малой степени соотвѣтствовало интересамъ рабочихъ“. Спрашивается: чего же достигли соціалистическіе депутаты своимъ долголѣтнимъ парламентарнымъ говореніемъ, и почему въ теченіе долгихъ десятковъ лѣтъ своей дѣятельности они меныше всего думали объ уничтоженіи безработицы? Когда англійскіе рабочіе потребовали на съѣздѣ включенія въ резолюцію требованія „права на трудъ“, поднялась цѣлая буря протестовъ подъ тѣмъ предлогомъ, что-де право на трудъ неосуществимо въ современномъ строѣ. Это часто повторяемое, но чисто голословное, никѣмъ еще не доказанное, утвержденіе не смущило, однако, англійской delegaціи, которая не отказалась отъ своего требованія и потому голосовала противъ резолюціи большинства.

Въ свою очередь, экономической подъемъ занятыхъ рабочихъ содѣйствуетъ уменьшенню безработицы. Такимъ образомъ, первые же шаги новаго рабочаго движенія должны имѣть въ виду всю совокупность этихъ требованій предъявляемыхъ непосредственно къ государству и его мѣстнымъ органамъ.

Та или иная форма современной государственности—какъ я это доказывалъ много разъ—не играетъ при этомъ рѣшительно никакой роли, тѣмъ болѣе, что условія *рабочей* жизни и борьбы въ конституціонно-монархическихъ и республиканскихъ странахъ отнюдь не лучше тѣхъ, которыя существуютъ у насъ въ Россіи. С.-д. Каутскій думаетъ даже, что монархическая правительства болѣе склонны къ уступкамъ по отношенію къ рабочимъ массамъ, чѣмъ республики. Оставляя всецѣло на его отвѣтственности это положеніе, я, однако, думаю, что исторія достаточно уже доказала всю безцѣльность политической борьбы для рабочихъ массъ, весь вредъ участія ихъ въ избирательныхъ и парламентскихъ говорильняхъ, равно какъ и всю необходимость особенной, отъ всѣхъ остальныхъ классовъ обособленной, прямой экономической борьбы за улучшеніе своей доли.

Что же касается, наконецъ, возможности или невозможности *удовлетворенія* такихъ прямыхъ требованій, то это будетъ всецѣло зависѣть отъ даннаго всякой разъ соотношенія всѣхъ наличныхъ общественныхъ силъ, т. е. въ конечномъ счетѣ—отъ большей или меньшей сплоченности всего рабочаго класса и степени вліянія его на общественную жизнь. Въ жизни человѣческихъ обществъ рѣшающею инстанціей всегда являлась и является—увы!—не любовь, а болѣе про-заическая сила. Та же инстанція, поскольку можно разглядѣть развертывающіяся впереди насъ перспективы, будетъ вершительницею судебъ и грядущихъ поколѣній.

